

Золото
ДЛЯ ДРАКОНА

МАРИЯ ЗАЙЦЕВА

Мария Зайцева
Золото для Дракона
Серия «Мир драконов, людей
и других тварей», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68519661*

Аннотация

Меня похитил дракон. Утащил в свою пещеру, и там... Три дня и, особенно, три ночи показывал мне, что может сделать один голодный дракон с одной невинной девушкой.

А потом, наигравшись, отпустил на все четыре стороны... Гад чешуйчатый! Даже крылом не помахал на прощание!

И угадайте, кого я увидела, едва переступив порог Академии Драконов?

И угадайте, что сделал этот гадкий, бессовестный дракон дальше?

Ни за что не угадаете...

Очень откровенно, очень несерьезно, очень весело.

Одна неунывающая героиня, один властный дракон, одна странная Академия.

Много эротики, много магии, много полетов на драконе (разнообразных).

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	24
Глава 4	33
Глава 5	43
Глава 6	50
Глава 7	56
Глава 8	61
Глава 9	68
Глава 10	77
Глава 11	85
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Мария Зайцева

Золото для Дракона

Глава 1

Дракон был здоровенным. Сразу понятно, не меньше двухсот – трехсот лет. Точнее не скажу, они после столетника как-то на один возраст все выглядят. Сама не видела, чтоб так, как сейчас, вблизи прям, но бабка рассказывала.

Но обычно все равно поменьше. А тут что-то нереальное просто.

Черный. Полностью черный. Никаких тебе переливов, красивых ярких чешуек и прочей ерунды. Да что говорить, я его даже не видела в темном углу пещеры! Просто что-то мрачное, чернущее, гнетущее. Ни возни, ни дыхания. Тишина и темнота.

Ящерица, чего с нее возьмешь, с твари холоднокровной.

Я осторожненько отползаю задом, пытаюсь нащупать хоть какую-то опору, лихорадочно шарю ладонями позади себя. Вслепую, само собой, потому что оглядываться бессмысленно, и так ясно, в какую сторону ползти. В сторону света, естественно.

А свет – это во-о-он там, в самом конце пещеры. Или в начале?

Не особо разбираюсь в таких вещах. Конец пещеры – начало пещеры... Неважно, главное подальше бы отсюда, пока еще двигаться способна. Пока живая.

Дракон не шевелится. Спит, что ли?

То есть, нормально все да? Прихватить себе прямо с автострады мирно бредущую в сторону ближайшей остановки транспорта селянку, не ожидавшую, вообще-то, нападения, приволочь ее в свою пещеру, швырнуть так, что неизвестно еще, какие повреждения получила, потому что болит просто ВСЕ, во всех местах разом! А потом, как ни в чем не бывало, улечься в самый темный угол пещеры и заснуть?

Это норма? Да? Вот не общалась я никогда с драконами, и дальше без этой радости обходилась бы! Честно-пречестно!

Неизвестно, сколько я еще в отключке пролежала... Может, он решил, что я мертвая? Может, драконы падаль не едят? А что я вообще знаю о драконах? Ничего, практически. И нет, бабкины рассказы тут вообще не помогут. Не о том она, потому что, рассказывала. Да и не особенно я слушала, если честно...

Только в памяти застряло, что чистых драконов, чистокровных, то есть, уже и не отыщешь. Повывелись за столько-то тысяч лет.

Но этот, судя по всему, исключение.

Я слышала, что одноцветность говорит о чистоте крови. Ну что ж, похоже, меня прихватил драконий принц. А они есть? У драконов? Драконьи принцы?

Все эти глупые несвоевременные мысли мечутся в моей голове, пока я задом, аккуратненько, подобрав юбки, ползу в сторону выхода, не сводя взгляда с темноты, клубящейся в углу, чтоб, в случае малейшего шевеления, опять прикинуться мертвой.

Дело движется плохо, потому что пещера нереально длинная. Ну еще бы... Зверюге нужна полоса для разгона и торможения. Такая хрень сразу не остановится... И на взлет тоже нужны потоки воздуха, разбег... Ну надо же, чего только в голову не придет, пока жизнь свою спасаю! И честь! Честь — это очень актуально!

Папаша ведь не поймет... Он и так меня еле-еле на учебу отпустил, дай ему волю, так вообще бы в четырех стенах запер! Да он, собственно, так и сделал... Сначала. И женихов начал искать. А то куда годится, девице сначала восемнадцать стукнуло, потом девятнадцать... А не замужем до сих пор! Позор, жуткий позор!

И вот сколько я ему про эмансипацию и равенство полов ни твердила, бесполезно. Единственная дочь, наследник нужен и все такое... Чертовы традиции аристократов!

Замшелые!

У нас, вообще-то, нормальная современная Империя уже лет двести как!!! И сам Император, говорят, очень даже прогрессивный мужчина! И дамы при дворе, жутко сказать, в брюках ходят!

А у нас...

Юбку – ниже колен. На лошади – боком, в дамском седле только. И не вздумай, по-простому, по-босяцки без седла скакать! Неположено благородной леди!

А что положено благородной леди?

Правильно, замуж выходить и детей одного за другим рожать, пока ее муж по девкам непристойным мотается...

Я такого насмотрелась у подруг бывших, всех, как одна, уже замужем сидящих...

И нет, мне такого счастья вообще не надо!

Высказала я это все папаше, а он у меня характером крутенек, брови сдвинул, дымом из ноздрей полыхнул, да и запер меня в башне высокой...

Но я все равно свое гнула, ругалась с ним, прямо так, с башни этой свесившись, и громко, чтоб не только в нашем дворе, но и в городке неподалеку слышно было, как самоуправничает их барон!

Папаша в долгу не остался, конечно же, волевым решением приказал мне еду ограничить и претендентов на руку и сердце почаще перед окнами башни проводить. Чтоб, значит, видела товар лицом, как говорится.

А еще полюбил приходить ко мне наверх и беседы нравоучительные проводить.

А я нравоучений всяких ужас, как не люблю!

Ну и дождался папаша, что я от расстройства душевного начала сначала предметы двигать (и не руками, ага), а затем на нем одежду подожгла, когда разозлилась на очередного

подсунутого мне женишка.

Ох, видели бы вы его лицо!

Не водилось у нас, в роду чистокровных баронов Касси, магов! Что же, значит, не родная я? Нагулянная? Я на такие обвинения, да еще и в адрес матушки покойной, пуще прежнего обиделась, и башенку свою слегка повредила... И опять-таки, не руками...

Естественно, был скандалище, во время которого бабка Катаржина, та еще... хmmm... порядочная женщина, призналась, что беда не во мне! А в том, что папаша мой – не урожденный Касси, а бастард. И бабка Катаржина его родила от дракона. И рассказала, покуривая и мечтательно закатывая глаза, потрясающую в своей простоте и безнравственности историю.

Сорок лет назад мой дед как раз в столицу уехал, а ей, видите ли, стало скучно. Поехала бабка моя на лошадке кататься. Ну а дракон мимо пролетал. У нас в провинции они не то чтоб косяками, но водятся. Водились раньше, вернее.

Бабка, а тогда женщина в самом соку, веселая и горячая, выехала на верховую прогулку, одна-одинешенька, дракон по своим делам летел, а она рукой помахала. Пошутила. Немного.

А у драконов-то зрение хорошее, разглядел, что красивая женщина. И машет ему. Сама. Зовет, стало быть. Явно познакомиться хочет. Ну и подлетел. А потом оно как-то закрутилось.

Бабка клялась, что ничего такого не планировала, и даже хотела ускакать на лошадке своей, но дракону она, судя по всему, сильно понравилась, потому он применил запрещенный прием: взял и лизнул ее в драконьем своем обличье.

А их слюна, кроме того, что антисептик отличный и заживитель, еще и часто действует как афродизиак. Не на всех. Но на многих. Бабке не повезло. Или повезло, тут уж как посмотреть.

Короче говоря, она потеряла голову и вместо того, чтоб на лошади ездить, три дня каталась на драконе.

А потом у него время гона, наверно, закончилось, и пути их разошлись. Дракон полетел по своим делам, а порядком помятая бабка вернулась в замок, где ее уже и не искали да же.

Дед, которого срочно вызвали из-за внезапной пропажи жены, приехал аккурат к вечеру того же дня, когда неверная женушка пришла в замок, и страшно обрадовался тому, что бабка нашлась. И результатом этой радости явился мой папаша. А бабка до конца не была уверена, кто отец. Ну, теперь-то все понятно, конечно же.

Ясен пень, никто не собирался выносить сор из избы, поэтому Дастин Касси, урожденный Касси, так и остался бароном, да и в наследство от своего папаша, кроме дурного драконьего нрава, не получил ничего необычного. В отличие от меня.

Природа на мне не отдохнула, а жаль. Иногда прямо очень

даже жаль.

Потому что неожиданно проявившиеся способности росли, требовали грамотного управления, и просто так оставлять это было нельзя.

Спонтанный выброс силы привлек внимание в столице, и, наверняка, папаше вскоре пришлось бы принимать дорогих и крайне неудобных гостей, которые очень любят лезть во все дыры и ставить условия.

А барон Касси славится тем, что не любит, когда ему выставляют условия и загоняют в жесткие рамки.

Он привык действовать на опережение.

Вот и в этот раз все сам порешал. Раз уж не удалось меня удачно спихнуть замуж, то хотя бы пристроить в то заведение, которое сам выберет – вопрос чести просто.

Папаша списался со своим приятелем в столице, тот спросил у какого-то родственника, а родственник свел его с еще одним интересным человеком...

Короче говоря, цепочка была длинная и запутанная. Да и не важно. Главное, результат. А результатом явилось мое устройство в Южную Академию Драконьей Магии, куда ссылали всех, у кого драконья кровь хоть как-то проявилась. И учили там таких, как я, в первую очередь, укрощать души прекрасные порывы, то бишь, не сжигать во злобе все, что тебе лично не понравилось по каким-то причинам. Ну и попутно присматривали подходящие кандидатуры для службы в армии, полиции, и других интересных структурах, где мы

ой как могли пригодиться.

С каждым годом появлялось нас все меньше и меньше, драконья кровь мельчала, растворялась в плодящихся, как тараканы, людях, поэтому нас ценили.

Таких Академий было в Империи три штуки, и, если б папаша не подсуетился, то ехать мне в столичную. Но столичная Академия – это без вариантов потом на службу государеву, а вот в Игрёменской ковались разнообразные кадры. Девушек вообще там с миром отпускали после обучения домой. Так что вероятность, что потом я вернусь в лоно семьи и все-таки выйду замуж, была серьезной. Папаша на это надеялся, по крайней мере. Продолжение рода, помним же?

Идея фикс у людей.

А вот, например, драконы, что чистокровные, что нет, особо не любили размножаться. По крайней мере, это было нечасто. И особо не любили делать это с людьми.

С бабушкой Катаржиной – это, скорее всего, разовая акция. И, думаю, вряд ли другие драконы были в курсе про нее.

Так что откровения бабушки остались внутри семьи, а для окружающих информация, откуда вдруг я такая в благородном семействе Касси нарисовалась, выдана была скудно.

Мало ли, в самом деле, как могла карта крови лечь?

Ну, например, согрешила прапрабабушка с каким-нибудь простолюдином, а в том драконья кровь. Спала, спала, а потом у меня вылезла.

Дело в том, что прямых связей с драконами не было за-

фиксировано уже лет пятьдесят. Это если бабку не считать. А она не спешила фиксировать по вполне понятным причинам. Кому хочется прослыть... эээ... неверной женщиной? С мужем, опять же, проблемы... А так... Сбросила лошадь, потерялась, три дня дорогу домой искала, бедолажка... Хромала, да так, что аж ноги не держали... Не сводились, ага.

Общий потрепанный вид ее очень вписывался в сострепанную легенду, наверняка.

Правда же... Неудобная она вещь, правда.

Доказывай потом, что не соблазняла, что только рукой помахала, а дракон взял, да и прилетел.

И почему-то впечатлился знойной красоткой, которая, конечно, вообще не такая. И очень благочестивая, и очень замужняя... Ах, почему же захотел ее себе забрать?

Она вот не в курсе до сих пор. Может, гон был близко. Они во время гона дичают и стараются улететь куда-нибудь подальше от остальных. В обычной-то жизни они вполне нормальные, особенно, когда людьми оборачиваются.

Хотя, как нормальные. Твари они надменные, суки. Драконы же. Соль мира.

И вот в свете всего, что я про них знала, вообще непонятно, какого, простите, лошадиного хрена, конкретно этот дракон напал на меня, мирно бредущую по автостраде, и утащил!

А я-то всего лишь на автобус опоздала! И решила прогуляться, попутку поймать! Шла себе, ругаясь тихонько под

нос на фамильную гордость, заставившую отказаться от предложенного папашей автомобиля и сопровождения. Но так хотелось в самостоятельность поиграть! Почувствовать себя свободной! Папаша отпустил, скрипя зубами. Но даже он, при всей своей паранойе, понимал, что навредить мне мало кто способен. Разбойники, звери дикие и прочее... Да смешно. А если не смешно, то на остатки башенки моей можно глянуть. И посмеяться.

Свободу я ощутила в полной мере, конечно, перепутав на пересадке маршруты и уехав не в ту сторону. Хорошо, что вовремя опомнилась, да вышла!

И потопала себе тихонько по дороге, проклиная собственный упертый, типично Касси нрав, и дурость.

Мне до Академии оставалось несколько часов езды!

И вот на тебе... Поймала попутку... Большую такую, черную... Полностью меня попутавшую...

Тут у меня под задницей что-то хрустит, и в черноте зажигаются два огромных желтых глаза.

Ма-а-ать твою...

Я тут же падаю ничком и закрываю глаза.

Я – мертвая. Мертвая. Не жри меня!

Я лежу, задержав дыхание, и пытаюсь вспомнить хоть одну молитву... И ничего, ничего! Плохая девочка, Катаржина Касси, не зря тебя в честь твоей бабки гулящей назвали!

Слышу, как под огромной тушей хрустят камешки, которыми усыпан пол пещеры, значит, дракон приближается.

Мама моя, надеюсь, ты меня видишь сейчас! Помоги мне, помоги!!!

Дракон совсем близко. Я чувствую его дыхание, не смрадное, но тяжелое. Он обнюхивает.

Не дышать. Не дышать. Не дышать. Я мертвая.

Странно, что даже в голову не приходит воспользоваться своими проявившимися способностями... Хотя, ничего странного, я все равно против дракона – букашка...

Я уже чувствую головокружение и дурноту, воздуха не хватает, но все равно держусь.

А потом... А потом дракон раскрывает пасть, дышит на меня... И облизывает. Широко и жарко. От груди, по шее, к щеке, задевая губы...

И еще раз, и еще... Я не выдерживаю, и, не дожидаясь, пока меня распробуют до того, что можно будет приступить к еде, подрываюсь и бегу к выходу. Голова в этот момент вообще не соображает ничего, не думаю о том, что он может запросто дохнуть мне вслед огнем, таким образом, решив проблему перевода моей тушки из сырого состояния в жареное.

Меня подгоняет ужас, дикий, невозможный!

Быстрее, быстрее, быстрее!!!

На нервах даже не замечаю, что он за мной не бежит и не спешит сжигать.

Меня выносит на свет, на ослепляюще яркий день, и в следующее мгновение я с визгом падаю на четвереньки.

Потому что еще чуть-чуть – и дракон лишился бы свое-

го ужина. Площадка перед пещерой совсем маленькая, обрывается отвесной скалой. И со всех сторон меня встречает голубизна моря. Я в панике оглядываюсь, но ни справа, ни слева, ни вверху, ни внизу нет даже намека на тропу.

Потому что незачем. Дракону не нужны ступени и дороги. Он просто разбегается в пещере, выпрыгивает со скалы, расправляет крылья и парит, подхваченный воздушными потоками.

И без его помощи отсюда никому не выбраться.

Только вниз головой. В море.

Я встаю, на секунду забыв про дракона за спиной, поглощенная ужасом. Пониманием, что я в ловушке.

А потом мне внезапно становится жарко. Горячо. Огненно. И вовсе не от догнавшего меня драконьего огня. Нет, пожар поднимается из глубин тела, распространяется по коже, делая ее настолько чувствительной, что я машинально провожу по щеке и отдергиваю руку.

Что со мной? Что???

А потом приходит понимание.

Проклятый дракон!

Проклятая драконья слюна!

Он не хочет меня...

Вернее, он не хочет меня ЖРАТЬ!

А хочет совсем другого!

Я в панике еще раз оглядываюсь, слышу, как из пещеры доносится звук. Шаги. Человеческие. Проклятый дракон!

Проклятый, проклятый дракон!!! Обернулся уже и идет сюда, ко мне! А я...

Куда деваться-то???

Я делаю шаг в сторону моря, неосознанно, но потом отшатаваюсь. Тело уже не горит. Пылает. И особенно горячо там, в самом центре, внизу живота. Настолько, что мне хочется унять этот огонь. Хоть как-то. Я непроизвольно тянусь к поясу, но потом убираю руки. Закрываю лицо ладонями, касаюсь пальцами губ, и от этого прошибает электричеством. Дрожь, начавшаяся сразу же, как только меня облизал дракон, не прекращается, усиливается.

Я понимаю, что не могу стоять, и без сил приваливаюсь к скальной породе сбоку от входа в пещеру. Закрываю глаза, голову дурманит, дышать трудно, хочется снять одежду.

Сквозь опущенные ресницы я вижу, как тень, огромная, мощная, заслоняет мне солнечный свет, и открываю глаза.

Мужчина. Дракон. Высокий, просто огромный. Мамочка моя, ты видишь? Помоги мне...

Присаживается передо мной. Черные волосы, короткие, чуть кудрявятся. Глаза. Тоже черные. Чернущие. Щетина на щеках. Черная. Как во сне, я протягиваю руку и касаюсь колких волос на его лице. Провожу пальцами ниже, по мощной шее, к груди, заросшей шестью. Тоже черной.

Прикосновение к нему, как ожог, до самых костей пробирает. И хочется касаться еще и еще. Больше. Сильнее. Сжать. Укусить.

Кто-то стонет, низко, чувственно, мучительно. Не сразу понимаю, что это я... Я так не умею. Не умею.

Умею.

Дракон наклоняется ниже, разглядывает меня. Черный, черный, черный... Я тону в его взгляде, не выплываю, бесполезно, все бесполезно... Больше всего на свете мне хочется, чтоб прикоснулся. Хочется руки его на себе почувствовать, губы... Почему на мне так много одежды? Она же мешает...

Я понимаю, уже остатками меркнувшего в горячке похоти сознания, что сейчас за меня говорит только мое тело, одурманенное драконьей слюной, но от этого несколько не проще. И мысли в голове невероятно тяжелые, словно снулые рыбы на дне озера. Вялые. Глупые.

Я смотрю на него. Жесткое, жестокое даже лицо. Он не пожалеет. А я и не хочу, чтоб жалел. Хочу, чтоб взял. Полностью. Чтоб пожар этот в моей крови унялся, наконец!

Он молча подхватывает меня на руки и несет обратно, в мрак пещеры.

Я слышу, как скрипят под его ногами камешки, которыми усыпан пол.

Мамочка моя, ты это видишь? Отвернись, прошу...

Глава 2

В пещере я сразу слепну, настолько яркий контраст между светом и мраком. И это хорошо, очень хорошо! Не вижу его глаз, выражения его жесткого лица. Но чувствую. Пока несет меня, провожу пальцами по шее опять, не могу удержаться, внутри все жжет, требует утolenия, трогаю щеки в жесткой щетине, губы, твердые, крепко сжатые.

Дракон ловит мои пальцы, прикусывает и неожиданно говорит, низко и гулко, вроде бы тихо, но эхом по пещере отдается и моих ушах биение крови заглушает:

– Потерпи, золотинка... Сейчас...

Я – золотинка? Почему так странно назвал? Из-за цвета волос? Наверно, поэтому обратил на меня внимание: с высоты мою голову бедовую углядел...

Мысли исчезают так же, как и появились, странными тенями по краю сознания. Потому что вообще не важно, почему...

Важно, что дальше будет делать со мной. Хотя... Я знаю, что. Я же не дура, пусть и девственница.

И это внушает мне не страх, нет! Желание! Предательски острое, заставляющее в волнении цепляться за мощную шею, облизывать мучительно сухие губы, запрокидывать в бессилии голову и душить в себе низкие, пошлые стоны...

Почему так медленно идет? Донеси уже скорее!

Я, уже не останавливаясь, вожу ладонью по широченной груди, поглаживаю жесткие волосы и от этих молниеносных ощущений в голову бьет так, что хочется кричать. Но я только откидываюсь в бессилии и, все же не удержавшись, издаю тихий низкий стон, который отдается эхом в пещере. Призывный...

Дракон вздрагивает и ускоряется.

Его ложе неожиданно мягкое. Это странно, я думала всегда, что драконы на золоте спят... Смешно, если он и в самом деле на цвет моих волос повелся... Глупо так...

Он стаскивает с меня одежду, деловито и грубо, но не рвет, просто снимает, как шкурку с домашней колбаски. Я не сопротивляюсь.

Его руки на моей коже – о-о-о-о-о! – это нечто нереальное! Бьет множественными молниями каждый самый маленький участок тела! Дракон шумно дышит, похоже, он видит в темноте, потому что по мере моего обнажения, дыхание его учащается.

Я не вижу ничего. Меня раздевает сама тьма.

Потом мне резко раздвигают ноги, и в следующее мгновение я... Чувствую его ТАМ! Прямо ТАМ! Внизу! Его... Язык? Ах, распутная бабка Катаржина! Почему не предупредила, что так тоже могут мужчины делать? Или это только драконы?

Он лижет меня, с пошлыми хлюпающими звуками, проводит узким жестким языком по складкам, раздвигает, прони-

кает В МЕНЯ! Каждое его движение – это маленький взрыв! Это полет со скалы! Я же разобьюсь! Я же не выдержу! Я же... А-А-А-А-А!!! Я не выдерживаю.

Тело трясет с такой силой, что дракону приходится держать меня за бедра, словно я могу ускользнуть.

Не могу! Не могу ускользнуть! Не хочу ускользнуть! Не хочу, чтоб это останавливалось!

Я выгибаюсь, ослепленная удовольствием, кричу. Эхо от моего крика отражается от стен пещеры, множится, накладывается на хриплое жестокое рычание.

Он злится? Ему что-то не нравится?

Я тарашу слепые глаза в черноту, все еще подрагивая от произошедшего, ловлю желтый жгучий, полный радостного предвкушения взгляд, и уже через мгновение понимаю: ему все нравится. Просто он тоже хочет. Большого.

Тьма ложится на меня, прижимает к мягкому ложу, забрасывает безвольные ноги высоко на плечи, хрипит низко-низко:

– Сла-а-адкая... Золото мое...

А потом я чувствую... Давление. Боль. Заполненность. Ожог! И это тоже больно. Но по-другому. Так, что хочется двигаться, чтоб одновременно потушить и разжечь сильнее. Не знаю, как так можно, но это именно то, что я испытываю.

Тьма хрипит еще что-то о том, какая я красивая, какая я золотая, какую-то полнейшую бессмыслицу, которая странным образом дурманит голову еще сильнее, еще отчаяннее.

Тьма заполняет меня, двигается, вперед и назад, сначала медленно и неотвратно, словно море, бьющееся сейчас о скалы в едином с нами ритме, завораживающем танце, которому я подчиняюсь, от которого я схожу с ума. Потому что тянусь к моему (МОЕМУ!) дракону, подставляю губы. Мне хочется, чтоб он заполнил меня еще и здесь, мне это необходимо.

И тьма с радостью подчиняется. Меня целуют. Глубоко и грязно. Долго, не давая дышать, завораживая голову, ловя единый ритм с движениями во мне и волнами снаружи. И это длится и длится, то медленно и длинно, то быстро и ритмично, долго-долго...

Пространство вокруг нас наполняется звуками, полностью подстраивающимися под происходящее: плеск волн далеко внизу, хриплые выдохи, мои тихие стоны в такт каждому движению, эхо нашего порочного танца, кружащее, завихряющееся в кокон.

Мне уже давно не больно, просто безумно сладко и хочется тоже чуть-чуть двигаться, навстречу ему, хочется трогать, прижимать к себе, проводить ногтями по мокрой от пота спине, вдыхать полной грудью мускусный, тяжелый аромат возбуждения. И моей в том числе возбуждения!

Он сильный, этот черный бешеный дракон. Неутомимый. Словно железный.

И насыщается мною, не торопясь, обстоятельно, смакуя каждое мгновение.

И вот я уже даже не нахожу сил стонать, только тихо выдыхаю в такт глубоким, долгим движениям. И не могу понять, где я уже: в дурмане, или в реальности? Бессильно скольжу пальцами по широченным каменным плечам, не в силах их удержать, раскидываю руки в стороны, периодически проваливаясь в непонятный сладкий морок, полубред. Нет меня больше. Нет Катаржины Касси, дерзкой, веселой, неугомонной, вечной папашкиной занозы, бабушкиной любимицы...

Я больше не существую. Я – просто что-то аморфное, неспособное даже двигаться самостоятельно, неспособное мыслить. Только чувствовать. Только раскрываться еще сильнее, впуская в себя все больше и больше тьмы...

А тьма неумолима. Она все шепчет, целует, утешает, раскачивает в своих объятиях, не позволяя вынырнуть на поверхность.

А потом, совершенно неожиданно и без какого-либо перехода, я чувствую, как внутри опять начинает жечь драконий огонь, он ширится, растет, разливается по всему телу, и, словно понимая это, укоряет темп тьма. Вспыхивают и гаснут желтые драконьи глаза, и на мгновение я вижу жесткое лицо над собой. Я тянусь к нему, хочу провести опять пальцами, поймать это ощущение реальности, но пальцы мои снова прихватывают зубами, прикусывают, причиняя боль и разливая дополнительное удовольствие по телу.

И тогда я взрываюсь. Совсем не так, как до этого, когда дракон облизывал меня внизу. По-другому. Ярче, грубее,

сильнее. Я кричу и бьюсь под ним, полностью потеряв себя, и только ощущаю, как движения его во мне становятся жестокими, дракон вбивается в мое тело уже с дикой скоростью, и я не могу понять, почему в этот момент все еще в сознании, а не в отключке от удовольствия и слабости.

Последняя мысль, перед тем, как улететь в спасительное беспамятство – если дракон бабки Катаржины был хотя бы в четверть такой же, то я ее понимаю. Очень хорошо понимаю.

Глава 3

Я прихожу в себя опять в темноте. С трудом разлепляю глаза, хотя, в принципе, могла бы и не стараться. Все равно не вижу совершенно ничего. Как слепая.

Дракона рядом не наблюдается, и неожиданно это ощущается, как потеря. За то время, что провела в его пещере(кстати, а сколько я провела в его пещере? Ни малейшего представления), уже успела к нему привыкнуть. К его постоянному присутствию, не холодному, как показалось в самом начале, а совсем наоборот... Словно горячий источник рядом, с ним тепло, жарко даже, томительно сладко и до дрожи правильно.

Господи, Катаржина, да ты как кошка. Погладили разок – и радостно растопырилась, да зад подставила. Вроде как, и стыдно должно быть... А нет, не стыдно.

В конце концов, моей вины в происходящем никакой.

Дракону с какого-то перепуга я понравилась, причем настолько, что схватил и к себе с логово упер. Такого на моей памяти и не было ни разу. Наоборот, драконы от дев отбиваются всегда любыми способами.

Потому что заполучить в любовники дракона – это ж радость. Нет, если замужняя, то никакой чести, конечно, но вот дева, да еще и не самых благородных кровей... Отличный способ получить все и сразу. Получится увлечь зверя,

да надолго, и будешь в почете и достатке. Драконы, конечно, те еще твари скупые, но на своих женщин не экономят. Говорят. Замуж не зовут, не выходят у них женщины замуж, во грехе живут, но и не обижают ничем. Правда, даже в хрониках скупо упоминалось о том, что кто-то из драконов надолго со своей человеческой избранницей оставался. Они же звери, звериному подчинены. Поиграли и разошлись. Деву после дракона замуж брали с удовольствием, потому как при достатке.

А если еще и родить умудрялась – то все. Обеспечивала себе светлое будущее, а ребенку своему на всю жизнь – верный кусок хлеба. Ведь, даже если не проснется в отпрыске кровь драконья, то все равно будет под постоянным присмотром государства. И дети его – тоже. Мало нас, таких. Очень. Все наперечет.

А в нынешнее беспокойное время (а когда оно спокойным бывало, интересно?) потребность в магах велика.

Ну, а коли в ребенке кровь драконья в правильной пропорции смешается, то вообще сказочное везение. Мало того, что, если мальчик, то запросто перевертышем может стать, а это сто процентов востребованность и счастливое, хоть и беспокойное будущее, а если девочка – то хорошая из нее может получиться волшебница. Такая, как я, например. Будет она двигать предметы, огненную магию приручит. И отправят ее после обучения в столице сначала на границу, охранять от северных варваров родину, а потом хорошую, а

главное, такую же, драконьих вымесок, партию состряпают. Чтоб, значит, дети получились правильные. И попробуй отказать!

Так что папаша все это подразумевал, когда отправлял именно сюда. Он явно сам намеревается мне женишка найти. Такого, чтоб его устраивал. Отучусь в Академии, тихо-спокойно, домой вернусь – и, под его мудрым отеческим приглядом – в столицу. Связи правильные налаживать. Не у нас же в провинции женишков искать? Нет, теперь мы, Кас-си, птицы высокого полета.

Одно дело – аристократишки замшелые, с кровью выродившейся, потому что далеко не все такие... ммм... веселые, как моя бабка Катаржина, и послушно женились да замуж выходили за таких же аристократов, а они все сплошь родня. И совсем другое – люди с искрой драконьей. Это же планку сразу так задрать можно, что с тобой и сам наместник в герцогстве считаться будет. Просто потому, что в родне у тебя – драконы.

Папаша сразу ситуацию просек, он у меня далеко не дурак. Деспот, конечно и самодур, но не дурак.

Так что люди драконов хотели, а вот драконы людей – не всегда.

Поэтому сейчас очень странная ситуация насчет меня.

Ну начался у него гон, у моего черного любовника, так в чем вопрос? Пошел бы к своим проверенным женщинам. Они у них есть. Я это точно знаю, тут секрета нет. Как уже

говорилось, не дура, хоть и девственница. Была.

Воспоминания о потерянной девственности вносят немного уныния в мои мысли.

Учитывая, что дракон-то, сто процентов, жениться не станет, они не смотрят на древность рода человеческого, когда хотят женщину взять. А я не простолюдинка, чтоб радостно про шашни с драконом всем рассказывать. У нас все еще эта жуть про первую брачную ночь и вывешивание кровавой простыни принята. Не везде, конечно, но отдаленные княжества, да графства пользуют.

Ну да, не столица, нравы средневековые до сих пор...

Невеста должна быть чистая. И никому не интересно, что ее не по ее воле дракон в пещере валял...

Так что наставления папашины о том, чтоб беречь честь, я не выполнила. И продолжаю не выполнять, а совсем наоборот... И даже удовольствие получаю...

Эх, распутная ты девка, Катаржина Касси, а не потомственная дворянка. Хотя, в столице уже, говорят, невинные невесты – чистая условность, и женщины всю вкушают плоды эмансипации...

Но все равно. Мне, как и любой девушке, хотелось хоть каких-то эмоций во время этого процесса.

Любви, там. Нежности...

Сознание тут же услужливо подбрасывает эти самые эмоции.

Тьму, проникающую в меня, нарастающее удовольствие,

сладкую наполненность, горячий язык, низкий шепот:

– Золото, золото мое, сокровище, мое, мое, мое...

Ух!

Опять горячо становится!

А ведь вроде только в себя пришла, дурман спал немного после слюны драконьей, проклятой!

Я досадливо передергиваю плечами и скатываюсь с высокого ложа.

Так. Надо бы найти отхожее место... Хотя, откуда здесь оно у дракона? У мужика все просто – вон тебе площадка, вон тебе – море. Делай все дела прям туда и не заботься о санитарии.

Я иду на выход, морщась от неприятных ощущений в промежности.

Мамочка моя, словно разворотили мне там все. Касаться страшно. Это с драконом, в угаре, да на обезболивающих, что в слюне содержатся, я ничего не ощущала неприятного. А сейчас очень даже ощущаю.

Словно в меня палку совали. Сучковатую. С занозами.

Платья на мне нет, дракон проклятый все же разодрал, в порыве страсти, хоть и пытался сберечь... Подхватываю какую-то тряпку, из тех, что валяются рядом с ложем, по ощущениям – тяжелый, плотный, шитый узорами плащ, обматываюсь и топаю.

На свету привычно слепну от яркого дня, какое-то время стою, дыша морем и соленым ветром. Потом аккуратно огля-

дываюсь. Да, ничего не поменялось за то время, пока дракон со мной играл.

Море, солнце и пустое пространство.

Я, аккуратненько отхожу в сторону, за камушек, делаю свои дела, морщась невольно. Бо-ольно.

Проклятый чешуйчатый гад! Заморочил мне голову!

Выхожу, опять осматриваюсь. Море равномерно накатывает на скалу, ветер пытается проникнуть под мое одеяние, заматываюсь плотнее, только сейчас приглядываясь к ткани.

Шитье золотом. Чистым, судя по тяжести и тому, как оно мне кожу царапает.

Ну да, что еще можно ожидать в сокровищнице дракона?

Плащ, скорее всего, какая-то мантия, похоже, что царская... И стоит, как папашкин замок. Мстительно сминая плотный материал. Испорчу, да и все равно!

Сильно хочется пить. И есть.

И вообще, почему я одна? Где эта ящерица? Бросил меня здесь? Умирать?

Эта мысль неприятно холодит внутренности. Может, это какой-то неправильный дракон? Дракон-маньяк? Он поймал меня, использовал по-всякому, а потом бросил. Вернется, когда я здесь от голода и жажды умру, выкинет в море и другую добычу притащит...

От ужасных мыслей отвлекает тихое журчание. Иду на звук. И уже в пещере, не очень далеко от входа, нахожу родничок с чистой водой. Рядом выдолблена в породе большая

чаща, как раз под драконью морду, скорее всего.

Я с удовольствием долго пью вкусную воду, умываюсь, думаю у том, что, может, подмыться, но даже касаться промежности страшно.

Проклятый дракон! И чем я ему приглянулась? Неужели это по женской линии у нас передается? Привлекательность для этих ящериц?

Толком обдумать эту интересную мысль я не успеваю, потому что раздается хлопанье крыльев, а потом в пещеру на полном ходу врывается дракон. Он уже сложил крылья и теперь активно тормозит лапами. Смотрится это забавно. Я видела пару раз, как кошка так со всего размаху лапами упиралась и пропахивала землю.

Конечно, скальная порода ничего не боится. Даже драконьих когтей.

Я едва успеваю убраться с траектории торможения. Ноги не выдерживают, сажусь на холодный скальный пол, замираю. Кутаюсь в плащ, отползая еще дальше в тень, чтоб не видно было.

Сердце начинает стучать заполошно и дико.

А дракон, остановившись возле ложа, начинает обнюхивать его. Потом недовольно шипит. И разворачивается. Точно ко мне.

Ничего себе! То есть по запаху – влегкую меня найти! Как собака, честное слово.

Я сижу, подобрав под себя ноги, прислонясь к стене. И

заороженно смотрю, как огромная тварь подходит ко мне.

У него желтые немигающие глаза, здоровенные кожистые наросты на морде, на голове небольшие рога. Дальше я не вижу, все скрывает тьма.

Вид дракона невероятно угрожающий, и я со всей обреченностью понимаю, что, наверно, закончилась моя жизнь. Наигрался мой чешуйчатый гад со мной живой и теперь сожрет.

Вообще, конечно, я не слышала, чтоб драконы жрали людей, особенно в последние лет пятьсот, но мне, похоже, не повезло. И нарвалась я на дракона-маньяка-людоеда.

А потом дракон протягивает огромную когтистую лапу... И отдает мне большой узелок.

Увесистый.

А в узелке...

Окорок! Копченый! Головка сыра! Лепешки! Яблоки! Бутыль вина! Ох, мамочка моя! Спасибо тебе, оберегаешь свою дочку бестолковую!

Я настолько обрадована, что даже не обращаю внимания на дракона, начинаю есть прямо там, не отходя от родничка. Дракона не приглашаю, справедливо рассудив, что он явно сытый. Наверно, на охоту летал. Может, нажрался диких коз, которых полно по скалам гуляет.

В любом случае, убивать он меня явно не собирается, и это уже хорошо!

Еду принес! Вкусную! Позаботился!

Может, отпустит?

Глава 4

Пока ем, жадно и совершенно позабыв о манерах потомственной дворянки (на самом деле, смешно вспоминать о манерах и цивилизованности после того, что он со мной тут делал все это время), дракон опять ложится на свою любимую твердую гору золота и закрывает глаза.

Это у него такой процесс, что ли, восстановительный?

Полетал, поохотился, украл девушку, отдохнул, обернулся, поимел девушку, отдохнул, полетал, поохотился, отдохнул...

Так, если верно рассуждаю, то следующий виток цикла уже скоро.

Я закашливаюсь, запиваю комок в горле вином, лихорадочно соображая, что же мне все-таки делать дальше.

Надо выбирать, очень надо!

Дракон, несмотря на гон, все же мыслящее существо, с ним можно договориться. Можно!

И вообще, какого, спрашивается, хре... Кхм... То есть, чего это он в гон-то сорвался? Они сейчас все, насколько я в курсе, на специальных микстурах сидят! И полукровки, и четвертушки, и даже седьмая вода на драконьей крови, с трудом оборачивающиеся раз в год по великим праздникам, и даже те, у кого оборота нет, но есть проклятое наследие дурной крови – гон.

Причем, он есть и у самцов, и у самок.

И, если у самок это выражается в постоянном хотении любви, и их удовлетворить несложно, был бы нужный (или вообще любой) дракон рядом, то вот самцы – еще и завоеватели. Им не интересно, чтоб просто подставлялись. Им азарт вкусен и охота.

Короче, твари.

Хорошо, хоть ищут пару обычно только среди себе подобных. И, предчувствуя будущий кошмар, то есть гон, забираются куда подальше, к своим, и там уже развлекаются. А если не удастся, то, как уже говорила, имеются запасные аэродромы и проверенные бабы.

Тот дракон, кстати, который с моей бабкой поиграл, тоже, наверняка, летел к себе на юг, пока не настигло.

А его взяло и настигло. Настигла, то есть. Бабка, чтоб ей икалось... И надо было ручкой помахать! А я теперь отдуваюсь за весь наш род!

В общем, раньше такие вещи случались почаще, чем сейчас.

А в последние сто лет изобрели специальные лекарства, которые их ящеринность огненную сдерживают. И позволяют это дело хорошо контролировать.

И в связи с этим все тот же вопрос: какого, собственно, хе... Кхм... То есть, почему мне так повезло? И почему этот, отдельно взятый, и, судя по шкуре, нереально породистый ящер не на лекарствах? Почему он летает себе, спокойно,

похищает невинных девушек и делает их не девушками?

Или на мне реально проклятие какое-то? А? Может, бабка Катаржина не все рассказала?

Все эти мысли в голове моей блуждают вторым планом, пока я ем и осторожно кошусь на неподвижную черноту в дальнем углу пещеры.

А на первом плане пока что только одна, но самая главная, основная мысль – КАК МНЕ ОТСЮДА ВЫБРАТЬСЯ???

Надо бы какой-то план разработать, да, Катаржина?

Пока змей спит и копит силы для следующего раунда.

Потому что, если он проснется, а у тебя не будет плана... Ох...

Тело сразу же начинает ныть во всех местах, подвергшихся истязанию, причем, боль эта странная. Такая... Томная, что ли... Влекущая.

Хочется себя потрогать там, где больше всего.

И знаю, что будет еще хуже, но от этого почему-то только дрожь сладкая, и сердце стучит. Сильно.

Я осторожно делаю еще глоток вина, потому что в горле сухо.

Выдыхаю, пытаюсь успокоиться.

Катаржина, это не ты.

Это дракон проклятый с его подходами.

Возьми себя в руки, Катаржина...

Пальцы непроизвольно тянутся к самому больному месту в моем измученном организме, воспринимая команду мозга

«взять себя в руки» ну очень буквально.

Стоп!

Катаржина! Плохая девочка! Думай! Думай давай! Используй голову по прямому назначению, а не для того, для чего ее дракон совсем недавно использовал!

Так. Надо с ним поговорить. Он способен соображать, вон, поесть мне принес...

В человеческом виде он способен разговаривать.

В прошлый раз нам не удалось нормально перемолвиться, потому что дракон успел меня облизать, и все, что я была способна говорить, это: «Еще» и «Да» в разных интонациях и комбинациях.

А если б он меня услышал, если б я могла ему четко сказать «Нет», то, может, быть... Он, конечно, зверь, но больно мне не делал, не мучил, не был жесток. Наоборот, столько удовольствия, тайного, запретного...

Опять не о том, Катаржина! Это все последствия воздействия его слюны. И других жидкостей. Надо было мне все же смыть с себя это все. Может, там какое-то длительное воздействие...

Ладно. Возвращаемся к размышлениям.

Мне надо его как-то убедить отнести меня обратно с этой ужасной скалы в нормальный человеческий мир.

Как это сделать?

Разговаривать!

А для того, чтоб разговаривать, не надо позволять себя

облизывать!

Все очень просто, Катаржина.

И совершенно нереально.

Я с досадой опускаю уже практически пустую бутылку с вином на пол, та предательски звякает, и на меня тут же раскрываются огромные, желтые, гипнотические глаза.

Ох, мамочка моя...

Я не оригинальничаю.

Опять отползаю задом в сторону выхода.

Дракон закрывает глаза.

Я замираю.

Уснул, что ли, на мое счастье?

А потом слышу шаги.

Он идет ко мне, неторопливо, камешки хрустят под босыми ступнями. Мне кажется, я этот хруст еще долго буду во сне слышать. В кошмарах, сладких и мучительных.

Я продолжаю ползти спиной к выходу, потом вспоминаю, что у меня есть язык, и пытаюсь начать им пользоваться:

– Послушай... Подожди... Подожди... Давай поговорим, пожалуйста! Мне не нравится, что ты меня притащил! Мне страшно! И вообще... Отпусти меня, а? Пожалуйста... Я никому, никому не скажу... Отпусти... У меня папа. И бабушка. И мне надо...

Он прерывает мой сбивчивый лепет, наклоняется, легко подхватывает за локоть, вздергивает вверх.

Он совершенно голый. И уже, похоже, очень возбужден-

ный. Не то, чтоб я в этом разбиралась, но все же... Трудно не обратить внимания, когда такое... Такое...

Я прекращаю говорить и смотрю в его желтые глаза. Совершенно безумные. Дикие.

Мамочка моя! Он – сумасшедший! Он меня никогда, никогда не отпустит...

Отчего-то эта мысль, вместо страха, вызывает во мне еще большую дрожь, больно пульсирующую в низу живота.

– Пожалуйста... – делаю я последнюю попытку, – отпусти...

– Отпущу.

Он начинает говорить настолько неожиданно, что я даже не верю сначала в то, что слышу. Кажется, будто сошла с ума и придумываю себе происходящий сейчас диалог, чтоб не свихнуться окончательно и не утонуть в мареве страха и психоты.

– Что? – глупо переспрашиваю и хлопаю ресницами.

– Конечно, отпущу... – У него странный голос, низкий, с четкими шипящими, словно сквозь клыки проходит звук, и это посылает дополнительные мурашки по телу. Плащ мой давно упал к нашим ногам, ступни болтаются в воздухе, он прижимает мое дрожащее голое тело к своему, трется уже совершенно очевидно. Да, похоже, очередной виток...

– Потом.

Последнее слово прибавляет своей обреченностью и тяжестью, я не могу ничего ответить, потому что меня уже целуют.

ют.

И, если я думала до этого, что слюна дракона работает только в его ящерной ипостаси, то сейчас сюрприз-сюрприз... И в человеческом облике – тоже.

Потому что у меня моментально выключается мозг, ужас какое-то время еще помогает держаться на плаву сознанию, но уже все понятно, чем кончится. К чему идёт.

Я только бессильно начинаю стонать, чувствую, как по лицу текут слезы, а пальцы путаются в его черных волосах, побуждая держать крепче, усиливать поцелуй, сжимать сильнее.

Впрочем, его не нужно побуждать.

Он сам справляется.

А я умираю.

Ведь то, что сейчас появляется в моем теле, то, что происходит... Это уже не я. Не Катаржина Касси, дочь барона Дастина Касси, веселая, дерзкая, знающая, чего хочет, эмансипированная, наконец, девушка.

Нет, сейчас это просто кусок стонущей и жаждущей плоти.

Настоящая я в глубине души, ненавидит то, что происходит. Но эта, новая Катаржина только сильнее трется о твердое тело своего похитителя, раздвигает ноги, забыв про боль, про неприятие.

И я просто отдаюсь ее власти.

Сейчас я ничего не могу сделать.

И, судя по настрою дракона, еще долго не смогу.

Он вылизывает мое тело. Целиком. Опять. И там, где скользит его язык, под кожей словно огонь разгорается, жжется так сильно, что я начинаю ерзать, начинаю дышать еще тяжелее и низко стону, пытаюсь заставить мучителя уже что-то с этим ужасом сделать.

Как-то усмирить этот проклятый огонь!

Но он только шипит довольно, с подрыкиванием, тянет шумно воздух носом возле моей... Внизу, в общем... И это до невозможности остро, болезненно даже. И хочется больше.

Он проникает языком между ног, и я кричу.

Наверно, громко.

Наверно, ему нравится.

Потому что язык бьет точно по какому-то, особо чувствительному месту, и с каждым ударом разряды удовольствия проходят по всему моему измученному бедному телу!

И я готова сделать что угодно, только чтоб это прекратилось!

И я реально его убью, если он прекратит!

– Золотая... Моя... Моя... Моя...

Шипение все отчетливей, все громче, возбужденней. Я понимаю, что он тоже сильно не в себе, гон, похоже, в самом разгаре, поэтому и говорит это все. Но все равно сладко. От его слов, от ощущения своей исключительности.

И я выгибаюсь послушно под ним и радуюсь каждому «МОЯ, МОЯ, МОЯ»...

Глупая, глупая Катаржина... Совсем ты утратила разум. Пропала.

Когда он переворачивается вместе со мной на ложе и резко насаживает на себя, проникая, кажется, до самого сердца, я замираю. Не могу ничего сделать, смотрю на него, такого восхитительно грубого и возбужденного в темноте, и глаза его, желтые драконьи глаза, гипнотизируют.

– Пробуй сама, золото мое, – шипит он сквозь зубы, а пальцы на бедрах недвусмысленно подбрасывают вверх и вниз, задавая ритм.

Это настолько неправильно и возбуждающе, что я теряюсь. Правда, недолго. Меня резко пригибают за волосы к темному лицу с нахмуренными бровями, жадные губы оставляют жгучее и повелительное клеймо поцелуя на шее, а потом бедра приходят в движение, недвусмысленно покачивая, как на качелях.

– Вот так... Покатайся на мне, золото...

И я выполняю его приказ. Выпрямляюсь и покачиваюсь, ловя нужный ритм и невозможное удовольствие от глубины и смены угла проникновения.

Все это так... Греховно... Так неправильно... И наше дыхание смешивается в темной пещере, делаясь все тяжелее, и руки сжимаются, он ловит мои пальцы и переплетает со своими, я отгибаюсь назад, волосы хлещут по спине, падая ни-

же бедер, закрывая меня, словно целомудренный наряд невесты. Он смотрит настолько восхищенно, настолько ярко, что хочется еще сильнее изогнуться, еще быстрее двигаться.

— Да, золото, вот так, вот так, моя золотая девочка, моя, моя, моя...

Меня прошивает, наконец, волной удовольствия, я опять кричу и ощущаю, что он тоже приходит к пику, сжимает меня так сильно, пригибает к себе и движется уже сам, проникая снизу жестко и грубо.

Потом я долго лежу на его мокром от пота теле, дракон гладит по измученной спине, не торопясь покидать мое тело. Перебирает волосы, укрывающие нас полностью, словно одеялом, и шепчет все так же восхищенно и сладко:

— Золото, мое золото...

И мне хорошо в этот момент, так хорошо.

И говорить не хочется, хотя, может, сейчас самое время.

Но я его бездарно упускаю.

Слабая, ты такая слабая и порочная, Катаржина Касси.

Вся в свою бабу-распутницу.

Глава 5

Мы проводим в проклятой пещере три долгих дня и ночи. Все это время дракон берет мое тело, облизывает меня, не давая даже шанса на сопротивление, на прояснение в голове.

Он еще один раз улетает на охоту, приносит мне еду.

Терпеливо ждет, пока я насыщаюсь, либо делаю свои неотложные дела.

А потом берет мое тело так, как ему хочется.

И вот что я вам скажу, если ранее я считала себя вполне современной эмансипированной девушкой, имеющей представление, что такое плотская любовь, хотя бы в теории, разумеется, и даже картинки мне попадались весьма фривольные, и сказки пикантные из одной жаркой южной страны, переведенные нашими умельцами и снабженные нужными картинками, удавалось подсмотреть... Да и в городах, говорят, с этим вообще все просто, не то, что у нас, в провинции замшелой...

Так вот. Я думала, что знаю, что это такое.

Оказалось, вообще не знаю.

Потому что то, что со мной делал дракон...

Это нельзя было назвать новомодным словом «секс». Это нельзя было назвать устаревшим словом «любовь».

Это было... Этому не было названия. У меня, приличной девушки, не было.

И его способы проникновения в мое бедное измученное тело... Я и не думала, что можно ТАК.

Очень развратный дракон. Просто очень.

А потом все закончилось.

На четвертое утро я просыпаюсь одна, пожимаю плечами, тихонько ругаюсь, пока совершаю обычное утреннее омовение у каменной чаши, хотя, надо сказать, что неприятные ощущения как-то ослабли. Такое впечатление, что мое тело подстраивается под постоянные и немалые драконовские потребности.

Обматываюсь тяжелым плащом, выхожу на свет.

А буквально через минуту меня вносит обратно инерцией. Потому что приземляющийся дракон – это то еще зрелище. И ветер от его крыльев и его огромной туши сбивает с ног.

Дракон, проехав лапами по каменному полу пещеры, тормозит, разворачивается и идет ко мне.

Я, с некоторой долей обреченности и огромной долей предвкушения, снимаю плащ. Ну вот, опять...

Но дракон кладет передо мной... Заплечный мешок! Мой! Тот самый, что вылетел из ослабевших рук, когда он меня украл прямо с проселочной дороги!

Я хватаюсь за него, раскрываю.

Одежда! Моя запасная одежда, платье, ботинки! Белье, мамочка моя, белье!

Дракон смотрит очень даже однозначно.

И уходит в глубь пещеры. Слышно, как тихо взбирается на свою любимую гору золота и сворачивается там черным клубком.

Я какое-то время раздумываю над тем, одеваться, или нет?

И решаю, что не просто так мне были принесены вещи, которые я считала безвозвратно утерянными.

Скорее всего...

Скорее всего, меня отправят восвояси!

Наигрался, наконец!

Эта мысль неожиданно приносит боль. То есть, три дня и три ночи он меня здесь... Валял по любимой золотой горе, хрипел, шипел на ухо: «Золото, мое, моя золотая девочка, моя, моя, моя...»...

А теперь – все?

Вот так?

Просто?

Ах ты, гад чешуйчатый!

Ящерица бесчувственная!

Тварь огнедышащая!

Так, Катаржина, уймись!

Тебя отпускают! И даже не жрут! Это уже хорошо! Не ты ли недавно совсем хотела отсюда уйти?

Вот и уйдешь. Живой и даже невредимой. Практически...

Гад! Чешуйчатый! Сволочь!

Я одеваюсь, чувствуя, как текут слезы по лицу, смаргиваю

их досадливо и злуюсь на себя. Сильно, очень сильно злуюсь!

Глупая ты, Катаржина Касси!

Натягиваю ботинки, напоследок умываюсь из каменной чаши, потом завязываю рюкзак. Ничего, Катаржина, все будет хорошо! Ты же не просто не-пойми-кто! Ты – Касси!

– Эй ты!

Мой голос звонко и зло разносится по пещере.

– Я оделась! Дальше что?

На меня из темноты опять светятся огромные гипнотические глаза, потом раздается шорох, хруст проклятых камешков по пещерному полу...

Я стискиваю зубы.

Не плакать, Касси! Нет!

Дракон обнюхивает меня, наклоняет голову, подставляя шею. Прокатиться предлагает?

Что, даже не в лапах полечу, как добыча, а наездницей?

Новомодное слово: прогресс.

Я взбираюсь, цепляясь за выступающие роговые чешуйки.

Усаживаюсь, крепко держусь.

Дракон отходит назад, набирая расстояние для разгона.

Разбегается и вылетает из пещеры.

В этот момент я визжу так, что, кажется, у самой уши закладывает.

Потому что мы падаем, падаем, падаем бесконечных несколько секунд, пока дракон не расправляет огромные крылья и не начинает, лениво взмахивая ими, подниматься

вверх.

Голоса, чтоб визжать, у меня уже нет, глаза, зажмуренные в момент падения, раскрываются...

Мамочка, моя мамочка...

Думала ли ты, что твоя маленькая девочка будет летать на драконе? Что будет смотреть вниз, на синее, бесконечное море, сливающееся у горизонта с таким же синим до безумия небом. Будет ощущать встречный ветер на лице? Что ее волосы, золотистые длинные волосы, будет ласкать настоящее морское солнце?

Я с восторгом взвизгиваю и подставляю лицо солнечным лучам. С огромным удовольствием.

Дракон, кажется, ощущает это мое состояние неподдельного восторга от поездки, потому что начинает то снижаться, то взлетать выше, заставляя меня хвататься за него сильнее и повизгивать от радости.

Он словно играет со мной, как большой, дурашливый жеребец Мартин, на котором я так любила кататься в родном папашинем поместье.

Наконец, появляется знакомая проселочная дорога, с которой меня, собственно, и похитили.

Дракон снижается, тормозит, потом ждет, пока пыль осядет, и пригибает шею, позволяя мне спрыгнуть.

Я спускаюсь, подтягиваю лямки мешка, смотрю на него.

Он напоследок шумно обнюхивает меня, потом мотает огромной рогатой башкой, отгоняя прочь.

Я отхожу.

И смотрю, как он разбегается и взлетает над дорогой.

Летит, летит, летит...

И постепенно превращается в черную маленькую, расплывающуюся точку на горизонте.

Я с недоумением смаргиваю, чтоб навести резкость, и досадливо ругаюсь. Потому что щеки совершенно мокрые.

Выхожу на дорогу и топаю вперед.

Не уверена, что в правильном направлении, но в данный момент мне абсолютно плевать, куда идти. Главное, ноги переставлять.левой-правой, левой-правой, левой-правой... Давай, глупая Катаржина, топай-топай...

А потом меня неожиданно опять сбивает с ног вихрь от драконьих крыльев так, что я плюхаюсь на попу, смотрю вверх, и сердце подпрыгивает... Радостно?

Он вернулся? За мной? Да?

Но дракон, снижаясь, делает надо мною круг, потом неподалёку падает что-то небольшое, но тяжелое, зверь еще кружит и, наконец, быстро поднимается ввысь и улетает.

Я не успеваю даже рукой помахать, как моя распутная бабка когда-то.

Мой дракон исчезает из моей жизни так же быстро, как и появился.

А в небольшом кошельке, сброшенном неподалеку, обнаруживаются старинные королевские дукаты, несколько массивных перстней с огромными камнями и парочка толстых

золотых цепей.

Оценил, значит... Заплатил... За три дня валяний по пещере, за девственность, за...

Я отшвыриваю от себя этот проклятый подарок и рыдаю, наконец-то рыдаю в голос, оплакивая непонятно что: то ли невинность утраченную, то ли глупость свою, то ли надежды тайные, несбывшиеся.

Потом зло утираю слезы, собираю разлетевшееся подаренное золото в рюкзак и иду по дороге, твердым, пружинистым шагом.

Ничего, Катаржина Касси, все будет хорошо.

Все будет так, как надо.

И никакая ящерица огнедышащая тебе не может помешать!

Меня ждет Академия. Меня ждет длинная счастливая, полная событий жизнь.

А дракон...

Больше я его не увижу.

И это хорошо.

Правда же?

Глава 6

Как я добиралась до Академии – отдельная история, не очень интересная. Особенно, учитывая, что заплаченных за мою девственность и три дня безумия в пещере дракона монет хватило с лихвой.

И да, монет – это я погорячилась.

При виде одной-единственной монетки из кинутого мне на прощание гадским ящером кошелья, глаза у мужика из обменного пункта загорелись так, что я поневоле испугалась. Ну, мало ли, решит еще, что у меня другие такие есть. А я, вообще-то, впечатления серьезного не произвожу.

Худая, мелкая, с детским лицом.

Всякий обидеть может. И захочет...

Я немного напряглась, и пол в заштатной обменной лавке зашатало. Мужик сразу понял, что, пожалуй, со мной связываться не стоит. А то, мало ли, расстроюсь сильно... И останутся от дела всей его жизни только камешки обугленные.

Я не стала разубеждать, что вряд ли пока еще столько силы, да и дракон, гад, всю энергию выжрал...

Усмехнулась солидно, забрала деньги и быстренько убежала.

Полученных средств хватило на хороший обед, номер в гостинице, где я долго и с огромным наслаждением мылась, сушила волосы и валялась на мягкой кровати, и на такси до

Академии. Последнее было особенно приятным.

Проселочных дорог мне по самое горло хватило. А, особенно, тех, кто над ними летает на свободном выпасе.

К самой Академии таксист отказывается подъезжать.

Оно и понятно, собранные в одном месте редкие звери пугают.

А мы, драконья кровь, редкие звери по нынешним временам. Хорошо, что сейчас не Средневековье, и ведьм и колдунов не сжигают на кострах. Но нравы все равно дикие.

Не зря же папаша от меня избавился моментально, как узнал, какая прелесть в его родовом гнезде завелась. Я думаю, десять раз перекрестился, что ему от его отца-дракона такого счастья не досталось. Ну а мерзкий характер у нас и по женской линии передается, так что тут не факт, что от ящера прилетело. Бабка, вон, до сих пор всю родню в страхе держит.

Мысль о бабке Катаржине натолкнула на идею позвонить. В гостинице я на радостях даже и не вспомнила, что обо мне волноваться могут, слишком была занята смыванием пещерной грязи и следов ээээ... драконьей страсти.

А потом как-то все опять закрутилось.

Ну ничего, устроюсь, как следует, и все решу.

И вот теперь я стою перед воротами Академии драконьей магии, разглядываю кованую вязь, наверняка, магического характера, размышляю, каким образом мне дальше поступать. Никаких опознавательных знаков, шлагбаума, сторожа

в будке, пропускной системы.

Как быть? Просто подойти и постучать?

Или покричать?

«Эй, откройте, я – Катаржина Касси»?

Смешно.

Подхожу ближе, нерешительно провожу ладонью по кованому цветку.

И ворота начинают открываться.

Это настолько внезапно, что я даже отпрыгиваю назад. А потом собираюсь с духом и захожу. Ворота открылись совсем на чуть-чуть, словно кто-то там, с той стороны, оценил мои габариты.

Прохожу, замираю в нерешительности.

Ворота за спиной закрываются. Тихо, без лязга. И порыв ветра словно подхватывает меня, подталкивает в спину, указывая направление.

Я выдыхаю, поминаю бабку Катаржину, мамочку и проклятого дракона, и решительно топаю по дороге, похожей на дорожки нашего сада в южном стиле, в поместье папаши. Все ухожено, все зелено, справа и слева огромные лужайки, стриженные газоны, вдалеке, кажется, даже озеро поблескивает.

А передо мной конечный пункт моего путешествия. Большой замок тоже в южном стиле, с башенками, острыми перепадами крыш, разноцветными флагами на шпилях. Витражи огромных окон блестят в солнечных лучах. Красиво. Очень даже. И тихо. Тоже очень.

Я, наверно, не особенно понимаю, но все же, если это Академия, то есть, учебное заведение, то здесь должно быть много студентов?

Однако, никого нет.

Я стою перед замком в нерешительности, не зная, что делать дальше. Опять проводить ладонью по дверям? Или, может, здесь все же есть что-то вроде приемной комиссии?

Как-то странно встречают студентов...

– Ну и долго ты стоять собираешься, милостивая госпожа?

Неприятный скрипучий голос раздается откуда-то сверху, и я подпрыгиваю на месте от неожиданности.

В витраже, кругом оконце над массивными дверями, проявляется нахмуренное лицо. Меня изучают, потом вздыхают, закатывают глаза, бормоча что-то вроде: «Проклятые провинциалы», а потом опять снисходят до разговора:

– Ладонь на дверь положи. Надо завершить оформление.

– Ничего себе, бюрократия... – язвительно бормочу я, прислонив ладонь к двери. Происходит то же самое, что и с воротами. То есть отверстие, появившееся передо мной, четко соответствует особенностям моей фигуры.

Пока я размышляю, что происходит, когда заходят, например, двое, трое или вообще толпа, дверь за мной захлопывается, а я оказываюсь в большом вестибюле. Или холле? Наверно, холле. По крайней мере, тут присутствуют две огромные дубовые лестницы, массивные колонны, высокие цветные витражи и общее ощущение пафоса и невычурного

богатства.

– Катаржина Касси?

О, а вот и физическое воплощение витражной физиономии. Сухой, высоченный и желчный старик, подошедший так тихо, что я опять подпрыгиваю от неожиданности, стоит возле меня и презрительно разглядывает сверху вниз.

– А чего такая трусливая? Всего боишься... Да еще и непунктуальная. Ты должна была три дня назад появиться.

– Я-а-а... Задержалась...

– Ну вот и плохо, – брюзгливо ворчит он, разворачиваясь и топя прочь в один из боковых коридоров, – все уже приехали, учебный год начался, как ты догонять планируешь?

– Так всего три дня же прошло...

– Не всего три, а целых три! – резко обрывает он меня, удаляясь, а потом рывкает, – ну и что ты стоишь? За мной!

Я торопливо бегу за ним, пытаюсь запомнить путь, по которому мы идем, но это нереально, потому что из одного узкого коридора мы переходим во второй, потом в третий, потом сворачиваем в галерею, потом еще и еще... В итоге выбираемся на улицу, и старик указывает мне еще на одно здание, больше похожее на здоровенные старинные конюшни.

– Там общежитие для студентов. Привратник тебя уже знает, подскажет, какой этаж и комната. Студенты сейчас все на занятиях, советую как можно быстрее разложить вещи и присоединиться к своей группе. И вообще, радуйся, что в этом году серьезный недобор. Иначе тебя бы уже отчислили

за опоздание к началу занятий. Если есть вопросы – задавай сейчас.

– А-а-а... Как мне найти свою группу?

– Вот для этого надо являться к началу занятий! – поучительно поднимает он палец. – Вся информация у тебя на рабочем столе в общежитии. Еще вопросы?

– Нет, – бурчу я, уже порядком устав от нравоучений и брюзгливости старика. Конечно, хочется много чего спросить, но я прямо представляю, как он будет закатывать глаза и в сотый раз припоминать мне опоздание... Да пошел он! Сама разберусь!

Я резко разворачиваюсь и, не прощаясь, топаю по дорожке в сторону общежития. И стараюсь выразить свое неприятие спиной.

– Хамка, – бормочет старик, – с каждым годом первокурсники все хуже и хуже... Куда мир катится?

Но мне уже все равно на этого старого брюзгу, я иду вперед, к своему светлому будущему.

Но все равно не оставляет досада.

Не захотел бы проклятый дракон меня к себе под бок, не опоздала бы я к началу учебного года. И не пришлось бы выслушивать это вот все.

Гадский, отвратительный мерзавец.

Надеюсь, тебе икается, когда я тебя вспоминаю.

Глава 7

В корпусе общежития меня встречает еще один привратник, как две капли воды похожий на первого, что сторожит основное здание.

Слава богам, он не отличается зловредной язвительностью коллеги, а потому просто указывает мне номер моей комнаты и дает все необходимые пояснения.

Я иду по длинному коридору, отмечая, что здесь, по сравнению с основным корпусом, роскоши все же поменьше. Высокие потолки, дубовые двери, стены, до половины обшитые деревом. На этом, наверно, и все.

Нахожу номер своей комнаты.

Стучусь.

Никто не открывает. Ну, понятное дело, все на занятиях...

От прикосновения ладони к дереву, дверь распахивается.

Захожу, испытывая небольшое смущение. Все же здесь уже кто-то живет, лежат чужие вещи, человек настроил все под себя. И тут я врываюсь... Хотя и на своих правах, но все равно. Мне бы было неприятно.

Но деваться некуда, надо успеть на занятия, хотя бы на часть их, а потому я смело захожу, с любопытством осматривая свое новое жилье.

Все чисто, аккуратно. Бедненько.

Мне, выросшей в какой-никакой, а все же роскоши, тут кажется немного убого. Две кровати, два шкафа, два стола. Один санузел с душем. Уже хорошо, что отдельный, а то рассказывали про ужасы удобств, единственных на весь этаж...

На полу посреди комнаты – весёленький вязаный коврик из лоскутков. Что-то мне подсказывает, что это соседкин.

На ее кровати покрывало. Тоже лоскутное.

Мило.

Я прохожу к кровати со скатанным в рулон матрасом, кидаю сумку на пол, сажусь на стул. И выдыхаю.

Ну что, Катаржина Касси, как тебе дорога до Академии? Занимательно получилось.

Надо отдохнуть, принять душ, переодеться в форму. Кстати...

Встаю, направляюсь к шкафу. Ну отлично! Форма висит на плечиках.

На столе обнаруживается краткая инструкция по основным моментам: распорядок дня, названия корпусов, план-схема, имя моего наставника, номер моей группы. Расписание занятий на этот месяц. Очень грамотный подход. Мне уже нравится.

Я сверяюсь со временем и понимаю, что надо поторопиться.

Душ, переодевание, укладывание косы в пучок.

Все, готова.

Вечером, после занятий, буду уже обустраивать свой быт.

А пока что – бегом в основной корпус. Через пять минут заканчивается занятие, и я успеваю на следующее. Название предмета вполне обычное – «Основы философии». Не думаю, что много пропустила. Нагоню быстро.

Возле двери выясняю у привратника, где можно позвонить. И получаю неприятную информацию о том, что звонки тут строго регламентируются и нужно заранее подавать заявку наставнику, чтоб согласовать время и дату.

Это как так, простите меня? Это что за нахрен, прошу прощения за мой просторечный? Во всем мире телефонами пользуются уже сто лет, и только здесь, в месте, где должны готовить будущее народа, людей (ну и нелюдей), на которых возлагают столько надежд, какие-то дикие законы?

Страшно жалею, что не набрала бабушке Катаржине из гостиницы, но я в тот момент просто очень плохо соображала и почему-то решила лишний раз не волновать родных. Папаше-то, понятное дело, до меня было, как до табуретки, но вот бабка могла расстроиться. А когда она расстраивается, то всем окружающим ой, как несладко приходится.

Вот и решила звякнуть, когда уже до места доберусь. А тут такое!

Ладно, понятное дело, что вымещать недовольство на магическом привратнике попросту глупо.

Я только фыркаю, круто разворачиваюсь и спешу прочь.

Надо будет с наставником поговорить, уверена, что мне разрешат позвонить как можно быстрее.

И вот еще вопрос: рассказывать ли о моем дорожном приключении?

С одной стороны – надо бы.

Потому что дракон, зараза такая, явно был в гоне и явно не на сдерживающих лекарствах, а это запрещено законом. И где, как не здесь, в Академии, должны это понимать. Ясное дело, что дракон здесь не учился, потому что чистокровный. Тут одни полукровки сидят. А чистокровные в своих замках воспитываются. Ну, или, может, не в замках... Может, у них свои закрытые заведения есть. Нам, людям не приближенным к драконам, многое неизвестно.

Тут мне приходит в голову, что я с некоторых пор к драконам очень даже приблизилась. Особенно к одному. И особенно некоторыми частями... Но, конечно, все равно, толком ничего узнать не удалось за те три дня, что мы провели в его пещере. Только несущественные для общего развития вещи. Как пахнет, как держит, как шепчет во время того, что делает со мной: «Золото, мое золото...».

От воспоминаний тело моментально загорается, а я с досадой ускоряю шаг. Проклятый дракон! Сильный какой! Все никак отраву из крови не вывести!

И поэтому я склоняюсь ко второму варианту. Никому ничего не говорить. Плевать мне на то, что где-то летает бешеный дракон.

Главное, чтоб не узнали, что он со мной побесился. А то будет мне слава даже не на всю Академию, а на весь мир.

Это бабке Катаржине повезло, что никто не в курсе был ее маленького пикантного приключения.

А я не настолько везучая.

Макнут в грязь по самую макушку, папаша озверееет и вообще от меня откажется. Нрав-то у него бешеный, драконий.

Так что, как бы мне не хотелось оградить мир от сошедшего с ума дракона, но своя рубашка ближе к телу.

Пусть другие ловят.

К тому же, ему в любом случае ничего грозить не будет.

Так, пожурят за испорченную девчонку.

Дракон же. Соль мира, чтоб его.

И вот всегда я знала, что мое колдовское мастерство (хотя, это я хватанула, конечно, про мастерство, чутье, скорее, которое тренировать и тренировать), гораздо глубже и сложнее, чем мне казалось!

Потому что наколдовала я материализацию своих мыслей!

Иначе как объяснить появление на узкой дорожке между корпусов высокой, массивной фигуры, чьи экономные неторопливые и уверенные движения въелись в мышечную память тела, кажется, до конца дней моих?

Глава 8

Мне вот интересно: в древних сказаниях так же себя рыцари чувствовали, которые дракона шли воевать?

Идет он себе, значит, идет... Думает, может, о том, что сейчас в какую-нибудь харчевню заскочит, бражки попьет... Служаночку, там, потискает... Проведет время с пользой, короче говоря. А потом и домой можно. И, главное, врать по пути, что дракона поборол...

В общем, самые благодные мысли. А тут – РАЗ! И дракон!

На твоём пути!

Стоит!

Смотрит!

И глаза его все ярче и ярче загораются! Желтым страшным огнем!

В этот момент рыцарь, если он не трус, должен был смело целить копьё и бросаться на дракона. Это если не трус и дурак.

А, если трус и дурак, то на землю валиться и латы от страха мочить.

А, если не трус и не дурак, то разворачиваться и бего-о-ом...

Короче говоря, я на бегу уже додумываю, кто я по категории рыцарей.

Слышу за спиной тяжелые удары ног, обутых в массивные сапоги, о гравий дорожки, хриплый повелительный рык, приказывающий мне остановиться, но даже и не думаю подчиняться.

Потому что не дура. Ну, может, немного...

Ноги-то все же подгибаются в ответ на его рычание. И совсем не от страха.

Но голова рулит и управляет телом, не давая сойти с ума от ужаса и навалившихся фантомных воспоминаний.

Да что там – фантомных? Мы распрощались только день назад! Да у меня все тело в его отметины! Вся кожа в следах от его ласк! И между ног – мозоль, не иначе!

Очень странно, что после этого так хочется... Остановиться???

Нет! Нет, Катаржина Касси! Это в тебе еще память тела говорит! Уймись и беги! До общежития добежишь, а там привратник!

Почему-то я уверяю себя, что именно там возможно мое спасение.

И бегу.

Как маленький зайчонок от волка.

И практически добегаю, но на последних метрах нога подламывается, и я падаю на дорожку.

Упираю руки перед собой, потому что гравий – да с размаху – ой, как больно!

Но меня тут же вздергивают вверх, прижимают к жестко-

му телу и хрипло рычат в ухо:

– Попалась, золото...

Я только выдохнуть успеваю, в голове карусель, сил сопротивляться не хватает, пальцы вцепляются в жесткие предплечья, обтянутые какой-то грубой, похожей на кожаную, материей.

И через секунду уже вишу, прислоненная спиной к зеленой высокой изгороди, беспомощно болтая ногами, и смотрю в желтые страшные глаза своего дракона.

Нет, не моего... Или моего? После того, что между нами было?

Глупые мысли, несвоевременные...

Он держит меня одной рукой, легко так, прижимается, лицо его близко.

Слишком! Слишком близко!

Я начинаю задыхаться, его запах, к которому я даже привыкла за три дня нашего совместного... хм-м-м... времяпрепровождения, обволакивает по-новой, давит, лишает рассудка.

Я только бессмысленно раскрываю рот, как рыбка, пытаюсь хотя бы горлом захватить побольше воздуха.

Глаза дракона наливаются немыслимой золотой силой, а затем он резко прижимается ко мне своими жесткими губами.

И-и-и... Все.

Вот просто ВСЕ.

Больше никаких мыслей, никаких сил, никакого воздуха.
Только он.

Его вкус, его одуряющий запах, его напор. Его сила.

Я сдаюсь сразу. Моментально. Тянусь к его плечам, обхватываю, он рычит, продолжая терзать мои губы, усиливать давление, а затем резко подхватывает и сажает себе на бедра. Я тут же, уже привычно, обнимаю его ногами.

Чувствую, как дракон мощно упирается прямо в мою промежность своим тяжелым орудием, и это так правильно, так привычно уже! Так нужно...

Вообще, все, что он делает, правильно. Все, что происходит – естественно.

Для меня. Сейчас.

И для него.

И меня не волнует совершенно, где мы находимся, кто нас может увидеть. И что будет дальше, тоже не волнует.

Как и то, что вообще виной происходящему безумию – моя глупость и слабость перед его напором, знаменитая драконья слюна, от которой любая одуреет, или все в комплексе.

Важно то, что мне хорошо. Так хорошо, как никогда раньше не было. Пожалуй, кроме тех трех дней у него в пещере.

– Золото, мое золото... – он рычит, кусает мою шею, обновляя свои следы, – сла-а-адкая...

И я радостно и с готовностью вторю ему своим стоном.

– Прошу прощения, господин Ассандр...

Голос привратника заставляет нас замереть.

Дракон с рычанием отрывается от моей шеи, оскаливается на полупрозрачную фигуру, невозмутимо парящую в паре метров от нас:

– Что?

– Вас требует к себе ректор Гронних.

– Буду через пять минут.

Привратник сухо кивает и исчезает. И вот интересно, почувдился ли его укоризненный взгляд, направленный на меня? Скорее всего, нет.

Я, все еще находясь в дурманном состоянии, уже понемногу начинаю осознавать произошедшее. И основная, самая ужасная мысль – теперь про мою порушенную добродетель узнают в Академии. И где я после этого окажусь? Хорошо, если дадут возможность тихо жить под присмотром родственников (вот папаша-то обрадуется). А, скорее всего, как опасную особь, не умеющую контролировать свои порывы (и, как выясняется, не только магические, спасибо тебе, дурная наследственность бабки Катаржины), меня просто упекут в маленькую комнату где-нибудь в доме призрения, и будут извлекать только в минуты необходимости. Может, и учить даже будут...

В любом случае, здесь я не останусь. Потому что это позор какой, ужасный позор! Связь студентки с... А кто здесь мой дракон, кстати? Какую должность имеет?

И почему это должно меня занимать?

– Никуда не уходи, золото, – дракон внимательно изучает

мое выражение лица, вдыхает мой запах и с видимой неохотой отпускает на землю.

Я прислоняюсь к зеленой стене, не в силах сдержать дрожь в ногах.

Понимаю, что все еще основательно не в себе.

И приказ дракона не помогает.

– У меня занятие...

– Какое еще занятие? – раздраженно рычит он, – ты искала меня, нашла. Радуйся. И жди здесь. Я вернусь. И заберу тебя.

– Ку-куда?

– К себе в дом, естественно. Ты же моя.

Он говорит это так равнодушно и спокойно, что мне становится страшно. Иррационально страшно.

Настолько, что даже дурман драконий сходит на нет.

То есть... Как это? Как это я – его?

Да с чего это вдруг?

– Почему это?

Голос свой я не узнаю, настолько он хриплый и испуганный.

– Глупый вопрос, – он осматривает меня опять своим тяжелым взглядом, потом неожиданно нежно проводит по нижней припухшей губе, – жди здесь, золото.

Разворачивается и идет прочь так быстро, что мелкий гравий разлетается из-под тяжелых сапог.

А я бессильно оседаю прямо возле изгороди. Воздуха те-

перь хватает, он же ушел. Но дышать нет возможности.

Слишком сильно сердце стучит.

– Милостивая госпожа, – передо мной материализуется привратник, и я не могу понять, это основной, или тот, из общежития, – через десять минут заканчиваются занятия у вашей группы. И вам стоит поторопиться, если хотите успеть на следующее занятие. Я известил о вашем появлении куратора. Он вас ждет.

Наверно, все же из общежития. Тот-то, из основного корпуса, ко мне на «Ты» обращался...

Я со скрипом встаю, ахнув, обнаруживаю полностью растянутый корсаж платья (и когда успел, ящерица проклятая?) привожу себя в порядок, перебираю и укладываю поновой разворошенную грубыми лапами прическу.

Дурман от слюны дракона, когда он в человеческом облике, очевидно, слабее, потому что я уже не так сильно хочу его.

Вернее, сильно хочу. Но другого.

Доказать проклятому холоднокровному властному гаду, кто такая Катаржина Касси.

Глава 9

– Итак, сегодня мы с вами начнем изучение философии, как науки, по циклам, – господин Солл щелчком пальцев разворачивает большое цветное панно, на котором слева указаны даты всего цикла и каждого периода в отдельности, а справа – краткое перечисление основных моментов.

Панно яркое, красочное и, кажется, магическое. По крайней мере, мне кажется, что мелкие фигурки драконьих и человеческих предков шевелятся.

– Все вы помните из курса «Введение в предмет», что произошло на раннем этапе, который мы условно называем «Древнейшие времена».

Здесь преподаватель делает паузу, осматривает аудиторию, приглашая к разговору.

Все молчат.

Кое-кто, как мне кажется, вообще под парту лезет. И я могу понять слабаков. У господина Солла очень тяжелый взгляд. Как и положено особи, в чьих жилах крови дракона более, чем на четверть. Его дед был драконом. Чистокровным.

Вот ведь безобразие! Аж досада берет!

И почему это мужчинам передается такая бешеная драконья энергетика, способность оборачиваться и прочие плюшки драконьей крови, а женщинам – только дурной нрав и

неумение сдерживать свои порывы? Словно разделение происходит на этапе зачатия уже.

Мальчик – на тебе спокойствие, холодный змеиный взгляд, а, если повезет, еще и умение оборота в яркую огнедышащую ящерицу. Конечно, умению обуздывать свои порывы все и всех сжечь их тоже учить надо, но так как-то легче все проходит, насколько я знаю.

А вот драконья суть, наложившаяся на женскую, дает вкупе нечто дикое и вообще плохо контролируемое. Да и обучать нас сложно. По крайней мере, раньше так было. В те самые древние и уж тем более в древнейшие времена.

Мне это все еще в папашином имении рассказывал приглашенный учитель. Тогда никто не был в курсе проделок бабки Катаржины, а потому мне преподавали человеческую историю и философию. Которая, похоже, сильно отличается от драконьей, потому что сама тема драконов фоном прошла. Ну есть и есть. И почему я не интересовалась? Сейчас бы блеснула знаниями.

А ведь господин Солл как раз, похоже, упоминает материал, пройденный за те три дня, когда меня не было. Мысли сразу же возвращаются к основной, насущной, так сказать, проблеме. А именно одному чистокровному черному ящеру, господину Ассандру, чтоб ему своим огнем подавиться.

Его рычание, его поцелуй дикий, его слова ужасные.

Ужасающие для меня и моего будущего.

Не буду думать. Не о том сейчас надо.

Я переключаюсь на занятие, вижу, что господин Солл уже нашел себе жертву и теперь терзает его у панно с холодной жестокостью истинного драконьего потомка.

Парень, выбранный в качестве козла отпущения, краснеет, бледнеет, но терпит. И вообще, тоже проявляет холодность. Хотя, судя по количеству эмоций и неумению сдерживать их, драконьи предки у него где-то очень далеко присутствуют.

– Ита-а-ак, студент Вир, – тянет господин Солл, – я так понимаю, что вы ничего не можете сказать по сущ-щес-ству вопрос-с-са? А ведь я задавал задание.

– Я... Болел.

– Чем же? Похмелье, спешу вас заверить, не болезнь.

И, пока Вир таращит на преподавателя глаза, тот разворачивается к аудитории и наставительно продолжает:

– Вообще, в этом году с-с-студенты крайне недис-с-с-циплинированные.

Его тянущееся «с-с-с» указывает на раздражение. Я спешно опускаю взгляд. Так и частичной оборота дождемся. Раздвоенного языка, например.

[illegible]

В ЭТОТ МОМЕНТ все, как по команде, прячутся на меня, и я

очень сильно тоже хочу, как некоторые, залезть под парту.

И, если бы это помогло, так бы и сделала, честное слово!

И вот что за мерзкие характеры у этих тварей?

Ну ведь объяснила же я ему ситуацию до начала занятия! Сказала, что отстала от автобуса! И потом добиралась с приключениями. Сами приключения я описывать, естественно, не стала, но глаза сделала умоляющие. Раньше всегда прокатывало! Даже с папашей!

А тут...

Я неожиданно злюсь, тут же чувствую, как нагреваются поверхности ладоней, и спешно пытаюсь взять себя в руки.

За все три дня «взаимодействия» в господином Ассандром у меня не случилось никаких проявлений колдовства. Я и не вспоминала про них! А тут... Мамочки, сейчас ведь полыхнет! Я же не умею... Я же не смогу сдержаться!

Но господин Солл неожиданно оказывается рядом, внимательно смотрит своими змеиными глазами, с неожиданно ставшими вертикальными зрачками, а потом ЧТО-ТО ДЕЛАЕТ.

Я не понимаю, что, но ладони мои жечь перестает и дышится легче.

– Хм-м-м-м... – он задумчиво оглядывает мое бледное лицо, – сведения о вас не отражают действительности. Обязательно отмечу это в обратной связи родственникам.

– Ка-ка-ка-а-акой обратной? За-а-ачем обратной? Не надо... – хриплю я, понимая, что облажалась по полной. И те-

перь меня отправят обратно. К папаше. И тот просто запрет в башне. Огнеупорной!!!

– Это уж мне решать, что надо, а что – нет. – Обрубают господин Солл и отходит от моей парты.

А я разглядываю ладони, машинально тру пальцами друг о друга. И чувствую, как все внутри леденеет.

Вот и все, Катаржина Касси, кончилась твоя свободная или несвободная жизнь... Я, видно, до такой степени опасна, до такой степени не могу себя контролировать, что уже необучаема.

И теперь проведу остаток жизни либо в башне отцовской, либо в богадельне государственной. Может, в самом деле, побежать найти проклятого господина Ассандра, и к нему попроситься в постель? Он не против, как я понимаю.

Но, сбежав и не дождавшись его в оранжерее, я, похоже, и этот шанс упустила.

От расстройства внутри все начинает вибрировать, и я не сразу понимаю, что вибрирует не внутри.

Снаружи. Парта вибрирует, и соседняя тоже. И панно волшебное. Это же... Это же ОПЯТЬ Я!!!

Я спешно пытаюсь остановить творящийся ужас, успокоиться, от этого нервничаю еще сильнее, и вибрации становятся сильнее. Уже не вибрации! Уже дрожь, как при землетрясении!

Господин Солл опять оказывает рядом и опять ЧТО-ТО ДЕЛАЕТ.

Вернее, пытается. Но я паникую, и все становится еще хуже. Парты начинают валиться, учебные пособия прыгать, как лягушки, до потолка, студенты кричать. А я из-за этого всего – расстраиваться еще сильнее.

Напряжение растет, я уже практически ничего не соображаю, только осознаю, что, после произошедшего, мне прямая дорога в дурдом, от этого все хуже и хуже. Ну и вокруг тоже все хуже и хуже, соответственно.

А потом, когда начинают лопаться стекла на окнах, все неожиданно прекращается.

Я валюсь на пол в изнеможении. Вернее, не на пол, а в подставленные крепкие руки. Знакомые руки. Чувствую приятный, такой возбуждающий запах. Он обволакивает меня, дарит одновременно спокойствие и будоражит.

Так разве может быть?

Может.

Тишина оглушает.

Я открываю глаза, упираюсь в знакомый взгляд, в этот раз не золотой. Черный. С продольным золотым зрачком. Красиво...

Поднимаю руку, провожу пальцем по колкой щеке. Приятно...

– Вы вовремя, господин Ассандр, – говорит господин Солл, – у нее выплеск такой силы, что я не смог сдержать. Почему нас дезинформировали насчет нее? Надо отправить жалобу.

– Я всегда вовремя, – голос, холодный, жесткий. Разве можно таким голосом шептать: «Золото, золото мое...»? Как это умещается в этой холоднокровной твари?

– Ее надо в медблок.

– Да, я отнесу.

– Я пока доложу ректору.

– Не требуется.

– Но я должен. Здесь событие крайней срочности. Сами знаете, у нас в последние сто лет не было таких сильных выплесков. Это крайне интересно. Ее необходимо наблюдать постоянно.

Мне кажется, я слышу, как в груди моего дракона (моего? Катаржина, очнись уже!) зарождается недовольное рычание.

Ох, что-то мне подсказывает, что совсем не в медблок хотел он меня нести!

А тут придется.

Несмотря на бешеный откат после выплеска, я чувствую злорадную радость. Потому что планы дракона посмели нарушить. Обстоятельства! И это забавно.

– Хорошо. Докладывайте.

– Вы ее из медблока отправьте сразу к ректору.

– Хорошо.

Мне кажется, зубы у него все-таки скрипят.

Меня сжимают сильнее, словно сама идея встречи моей с ректором дико не нравится дракону.

Так ему и надо!

Я шевелюсь, хочу независимо пойти сама, тем более, что на глазах у студентов и куратора Солла он не посмеет...

Но тут с диким треском лопается единственное оставшееся в живых стекло в аудитории, я вздрагиваю, вжимаю голову в плечи и прикидываюсь слабой девушкой, потерявшей сознание от эмоций.

Так, по крайней мере, все кажется менее страшным.

Студенты возбужденно переговариваются, девушки, которых в группе всего четыре человека вместе со мной, пищат, но такой реакции, как у меня, естественно, ни у кого нет. Хотя тоже первогодки.

Ну что сказать, Катаржина, выделилась сразу. Умеешь ты это сделать правильно.

– Приберите здесь все, – холодно командует Ассандр и выходит вместе со мной в коридор.

А за пределами аудитории нас встречает шум, потому что, судя по всему, трясло не только у нас, но и в соседних кабинетах тоже.

Постоянно попадающиеся на пути студенты и преподаватели мешают Ассандру проявить эмоции по отношению ко мне. Если они у него, конечно же, имеются.

И потому он, сцепив зубы и каменея челюстью, несет меня в сторону медблока, никуда не сворачивая.

Я наблюдаю за его жестким лицом из-под полуопущенных ресниц и почему-то ощущаю покой. Уверенность. Безопасность.

Как в те дни, когда мы с ним были близки.

Глава 10

– Господин Ассандр, ваше присутствие здесь необязательно, – лекарь, невысокий спокойный человек, вежливо, но очень настойчиво пытается выпроводить взбешенного дракона из медкабинета.

– Обязательно, – рычит тот низко, и от этого звука у меня знакомо волнуется сердце.

Ох, Катаржина, какая ты все же падшая. Уже и от звучания его голоса тебя кроет, как бабочку.

Я прикрываю глаза, успешно притворяясь полудохлой лошадкой, которую заездил ретивый конюх, и лекарь тут же бросается ко мне.

И дракон тоже! Причем, его ящеринное величество успевает раньше, подхватывает меня, уже практически сползшую с низкой кушетки на пол, на руки, и я опять не удерживаюсь от того, чтоб полной грудью не вдохнуть его запах. Такой... Такой... Тако-о-о-ой...

М-м-м-м...

И что ты делаешь, урожденная Касси? Ты стонешь? Как падшая женщина? Кошмар... Докатилась...

Дракон резко выдыхает, прижимает к себе сильнее, делает шаг в сторону двери.

– Господин Ассандр! – голос лекаря набирает обороты и неожиданно сильно бьет по ушам, – верните студентку на

место!

– Она на месте! – рявкает в ответ дракон, и обороты его рыка ничуть не хуже ударяют в мою бедную голову.

– Я буду жаловаться ректору, – судя по всему, лекарь использует последние средства воздействия, но Ассандру, сжавшему меня еще жестче, похоже, плевать.

Проклятый дракон! Утащит ведь опять в свою пещеру, как и обещал!

Только теперь уже до конца дней моих.

Вот чует мое сердце...

Зачем тогда отпускал? Гад! Какой все же чешуйчатый гад!

– Асс-с-сандр, друг мой, полош-ш-шите девуш-ш-ш-шку на куш-ш-шетку, – новый голос, обманчиво мягкий, шипящий, обволакивает, лишает воли. И не только меня, судя по всему.

Потому что Ассандр подчиняется. Кладет меня на кушетку, на этот раз не с края, как в самом начале, когда только принес в медкабинет, а поглубже, к спинке.

Наклоняется, еле заметно проводит губами по скуле, оставляя горящий огнем след и заставляя задержать дыхание, и порывисто выдохнув, отступает.

– Твое рвение пох-х-хвально, – продолжает шелестеть голос, а я, преодолевая неизвестно откуда взявшийся страх, приоткрываю глаза и, пользуясь тем, что длинные ресницы прикрывают любопытный взгляд, смотрю на незнакомого мне мужчину.

Тоже дракона.

Тут уж без вариантов.

По одной давящей ауре можно понять.

У Ассандра не хуже, но как-то рванее, острее.

А здесь – плотная, обволакивающая муть, лишаящая полностью сил и желания сопротивляться.

Думаю, не будь во мне граммุลка драконьей крови, я бы вообще пластом лежала.

И не могла двигаться.

А я, хитрая Касси, еще и подглядывать умудряюсь. Хотя страшно до невозможности.

Новый дракон высок и статен. На вид ему больше лет, чем Ассандру, но это отражается скорее в выражении глаз, слишком уж они мертвенно-холодные, пустые. И не желтые, а какие-то блеклые, с голубизной. Так газ горит. Прозрачно. И страшно до жути.

Он смотрит на меня, и я не могу даже торопливо ресницы схлопнуть, потому что сразу этим себя выдам. Вот и не шевелюсь. Лежу себе, пытаюсь удержать сознание на плаву.

И, что удивительно, с каждой секундой мне все легче и легче!

Или это он ослабляет давление?

– Интерес-с-с-сно... – бормочет старый дракон, – то ес-с-с-ть даже так... Милейш-ш-ш-ший, а что мы можем с-с-с-с этим с-с-с-сделать?

– Для начала мне необходимо провести нужные замеры.

Взять анализы. Изучить радужку, – начинает степенно пересчитывать лекарь, – и, желательно, без посторонних. Поэтому убедительно прошу вас выйти. Девушка в любой момент может очнуться. И испугаться. И кто мне будет новую аппаратуру закупать? Хотя, может, это и к лучшему... Наконец-то вы, господин Гронних, подпишете мое прошение о замене оборудования. И еще неплохо бы обновить некоторые препараты...

– Так, стоп, – торопливо и уже без шипения обрывает его господин Гронних...

«Ректор! – Вспыхивает в моем мозгу воспоминание, – ректор Гронних!»

– Ваше прошение пока еще в стадии проверки, а потому не будем торопиться. Да и девочка давно уже в сознании.

Все трое мужчин тут же разворачиваются и смотрят на меня. И взгляды их отличаются степенью и качеством интереса.

Лекарь смотрит заинтересованно, но очень нейтрально. Как на подопытную зверушку. Он делает ко мне шаг, бормоча что-то про бюрократию и про то, что ответа на прошение он только в следующие сто лет дождется, подхватывает со стола какой-то непонятный инструмент, садится рядом на кушетку.

Ректор Гронних смотрит любопытно и внимательно. Его взгляд уже не давит, но все равно ощущается не очень приятно. Мне беспокойно и странно. Такое ощущение, что он

желает проникнуть ко мне под кожу, препарировать меня, как мой учитель биологии лягушку.

Я торопливо открываю глаза и сажусь на кушетке. И тут же встречаюсь взглядом с господином Ассандром.

И вспыхиваю.

Потому что он смотрит жадно. Настолько ощутимо собственнически, что буквально дрожью пробирает.

Его взгляд черен, как тогда, в пещере, когда он позволил себе делать со мной все, что могло прийти в его драконью извращенную башку.

Ассандр словно транслирует мне картинки наших трех дней, и они невозможно горячи. Настолько, что я вспыхиваю.

В буквальном смысле.

Ассандр тут же с рычанием срывается с места и, отшвырнув с пути моментально вскочившего от греха подальше лекаря, рвет на себе пиджак и прикрывает меня, туша огонь.

И опять норовит, гад такой, на руки прибрать!

Но я упираюсь в его плечи, сопротивляюсь, ректор командует:

– Спасибо, господин, Ассандр, ваша реакция, как всегда, на высоте. Будьте добры, отпустите студентку. Она больше не будет волноваться. Верно, дитя?

– Да-а-а-а... – хриплю я, старательно отворачиваясь от напряженного недовольного взгляда Ассандра.

Лекарь между тем, с огорчением убедившись, что мой

очередной выплеск не принес сколько-нибудь значительного урона его лаборатории, как ни в чем не бывало, возвращается обратно. Тянет с моих плеч пиджак Ассандра, разглядывает поплавленную форму и пострадавшее покрытие кушетки.

– Господин Гронних, мне необходима новая кушетка.

– Ну зачем ж-ж-же новая, – ректор тоже рассматривает повреждения, хмурится, – дос-с-статочно будет перетянуть...

Лекарь отворачивается, чуть слышно бормочет о скупердйстве, которому подвержены все драконы, а, особенно, те, которым за двести лет перевалило, и начинает настраивать непонятный прибор.

– Не бойся, дитя, это всего лишь измеритель твоей магической амплитуды. Вообще-то, такое исследование мы проводим всем первокурсникам в первый день учебы, но тебя я не видел, ты опоздавшая, да? Припоминаю, что именно о тебе говорил главный Привратник... А почему ты опоздала?

– Я-а-а...

– Ну вот видишь, как плохо? – лекарю мои объяснения, похоже, не сильно требуются, потому что он продолжает говорить, производя манипуляции своим странным прибором, похожим на помесь песочных часов и астрольбии, – если бы ты была более дисциплинированной, то мы бы уже выяснили твой магический уровень, и были бы предупреждены о подобных... э-э-э... выплесках.

В этот момент я не могу отказать себе в удовольствии при-

стально и злобно посмотреть на виновника того, что меня уже полдня полощут за опоздание к началу занятий.

Если бы взгляд мой мог совершать физическое воздействие, проклятой чешуйчатой ящерице пришлось бы несладко. А так – ничего. Только ноздрями дрожит. И усмехается. Припоминает, похоже, гад такой, про какой причине я не явилась в Академию в срок! И с удовольствием припоминает!

Сволочь черная! Чтоб у тебя плесень в чешуе завелась!

Тут приборчик пищит, ректор, внимательно наблюдающий за происходящим, поднимает брови.

И вот что я вам скажу: удивленный старый дракон – зрелище не для слабонервных.

– Даж-ж-же так?

Он опять шипит, и я уже понимаю, что это тоже выражает некоторую степень удивления.

– Да, господин Гронних. Именно так, – кивает лекарь, разглядывая меня... ну, не знаю, как будто рога у меня на голове обнаружил, – и это крайне интересный случай.

– Да уж... И что нам с этим интересным с-с-случаем прикаж-ж-жете делать?

Они смотрят на меня, изучают, и мне их препарирующие взгляды очень сильно не нравятся. Очень сильно.

Мамочка моя, ты это видишь?

Помоги мне, мамочка...

Картина маслом: я сижу, пугаюсь.

Драконы стоят, смотрят. Думают.

Атмосфера густеет.

И в этот момент господин, чтоб его, Ассандр открывает рот и заявляет жестко и окончательно:

– Ее нужно отдать мне.

Глава 11

Пока я превращаюсь в соляную статую от наглости некоторых чешуйчатых, ректор и лекарь смотрят на Ассандра с удивлением и вопросом.

Он в ответ лишь невозмутимо поясняет:

– Она опасна. Магический уровень шкалит. С ней никто не справится. Для обучения не пригодна. А я смогу сдержать. В любом случае, вопрос ее принадлежности будет скоро актуален. Вы думаете, вам удастся все держать в тайне до конца занятий? И все это время сдерживать ее... Никто не сможет. Кроме меня.

И смотрит, опять смотрит на меня, ящерица холоднокровная!!! И во взгляде его прямо читаются все те способы, которыми он меня сдерживать будет!!!

Это настолько жутко и настолько... Волнительно, что я захлебываюсь и начинаю кашлять. Долго и надсадно.

Лекарь, опомнившись от сверхнаглой заявки Ассандра, сует мне под нос невероятно вонючую ерунду, от которой я моментально прекращаю кашлять и начинаю чихать. С слезами, соплями и прочими физиологическими радостями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.